

Лановой Василий

16.01.04

Веч. Москва - 2004 - 16 янв. - с. 6

Принц по внешности, пахарь по натуре ВАСИЛИЮ ЛАНОВОМУ - 70!

Вчера, накануне юбилея Василия Ланового, на Аллее российских кинозвезд на Мосфильмовской прошла церемония открытия плиты с автографом артиста. Юбиляр оставил отпечаток своей руки для «вечного хранения» и восхищения потомков.

■ Павел КОНСТАНТИНОВ

Кому-то, выходя на сцену в роли принца, надо долго доказывать свое на это право — манерами, речью, взглядом. Короче, всем тем, что одним словом называется «порода». Василию Лановому практически с самого начала ничего подобного доказывать было не надо — зрители верили в его благородство сразу.

А ведь его происхождение, казалось бы, ничего аристократического не предполагало: у отца и матери, бежавших в Москву с голодной Украины, на двоих было три класса образования. Плюс моментально заработанная инвалидность от работы на вредном химзаводе. Просто честные, порядочные, добрые люди, но ведь это тоже знак породы.

Правда, перспектива играть одних лишь принцев (романтических героев, героев-любовников et cetera) ужаснула Василия Семеновича уже довольно давно. И однажды, получив распределение на роль Принца в «Золушке», Лановой прибежал к Рубену Николаевичу Симонову и буквально взмолился, чтобы его избавили от этой напасти: «Дайте мне хотя бы Маркиза Падетруа». Симонов, секунду подумав, расхохотался и утвердил Ланового на эту роль. А на репетиции предложил рисунок буквально рассыпающегося на куски старика.

ФОТО ИТАР-ТАСС

Все свидетели этого показа буквально помирали со смеху, но когда Симонов предложил Лановому повторить, того встретили полным молчанием. Однако природное украинское упрямство взяло свое, и Василий Семенович добился-таки и смеха коллег, и права быть на

сцене еще и смешным, то есть в конечном счете разным.

Пушкин и Маяковский, Павка Корчагин и Казанова, принц Калаф и «Тринадцатый председатель» Сагадеев, Троцкий и Цезарь, Алексей Вронский и Анатолий Курагин, Бернард Шоу и (любимая роль!) пляжный кра-

савец из «Полосатого рейса», чья фраза про красиво плывущую группу в полосатых купальниках стала крылатой, — вот лишь небольшая часть его послужного списка.

В своих интервью и книгах (дань попытке стать журналистом, которая ограничилась несколькими месяцами учебы на журфаке МГУ) он с отвращением говорит о времени настоящем и с излишним порой пафосом об ушедшем. Проще всего было бы примитивно списать эту позицию на стариковское брюзжание да советскую идеюность. Но, видимо, Лановому-человеку (а уж во вторую очередь актеру) в жизни близка, так сказать, чистота жанра.

Человеку, детство которого пришлось на войну (поездка на каникулы к бабушке на Украину обернулась годами оккупации вдали от родителей), который видел абсолютное горе и абсолютную радость (например, в глазах своей матери, которая, потеряв возможность двигаться, буквально на чужих руках и перекладных приехала через три года к детям, почти не надеясь застать их живыми) — такому человеку вряд ли может быть близок трагифарс наших дней.

Самым пронзительным мигом счастья называет он случайную встречу с партизанами, вошедшими в их село после оккупации. Самой трудной работой в жизни — озвучивание многосерийного документального фильма «Великая отечественная» Романа Кармена: «Ком подступал к горлу, душили слезы, и я уже не мог говорить... иные эпизоды и один-то раз посмотреть было невозможно, а мне приходилось смотреть их по несколько раз».

А самым веским признанием его актерского дара стало для Ланового приглашение на

встречу однополчан, которое вручил актеру один военный после спектакля «Фронт». Каждый год 9 мая Василий Семенович отправляется в этот стремительно редуцирующийся полк, прихватив с собой двух сыновей. Зато в театре на спектаклях отца и матери (Ирины Купченко) Александр и Сергей Лановые были раза три. Родители сознательно ограждали их от сцены, от ее, так сказать, дурного влияния.

Лановой — принц по внешности и пахарь по натуре. Троекратный Павка Корчагин (сначала в детской театральной студии при ЗИЛе, затем в институте, наконец, в фильме Алова и Наумова) жил, бывало, и так: полдня репетировал Чацкого в институте, затем мчался в аэропорт, летел в Киев на съемки, ночью возвращался в Москву и, миная дом, доползал до училища, чтобы, поспав пару часов, вновь репетировать Чацкого:

«Чуть свет уж на ногах, и я у васших ног».

Но и в годы простоев Василий Семенович не позволял себе расслабиться: то подбил Александра Кайдановского поставить для него пушкинскую программу, то согласился преподавать художественное слово в Щукинском училище.

Для своего бенефиса на 60-летие Василий Лановой выбрал роль Маттиаса Клаузена из пьесы Гауптмана «Перед заходом солнца», уходящего из семьи, чтобы доказать миру и себе — «на старости я сызнова живу». «Молод еще», — отказал ему худрук Михаил Ульянов, хотя герою было всего 50 лет. Прошло десять лет, и на 70-летие Лановой подарил себе роль романтика, смельчака и гения французской сцены Фредерика Леметра. А Клаузен поощряет, пока Василий Семенович «постареет».

Алексей Вронский — Василий Лановой, Анна Каренина — Татьяна Самойлова, 1967 год